

Сергей Антонов

НЕЧИСТЫЕ СЛОВА

От заговоров до мемов:
как русский язык хранит историю

Иллюстрации Люси Варламовой

МИО

МИФ Кругозор

Сергей Антонов

**Нечистые слова. От заговоров
до мемов: как русский
язык хранит историю**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 81
ББК 81.025

Антонов С.

Нечистые слова. От заговоров до мемов: как русский язык хранит историю / С. Антонов — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Кругозор)

ISBN 978-5-00-250794-8

«Чур меня!», «чтобы не сглазить», «икота, перейди на Федота» – мы говорим эти слова на автомате, не задумываясь. Но за каждой фразой стоит целый мир – древний, магический, сложный и одновременно невероятно логичный. Эта книга – путешествие по вселенной славянских верований, где в подполе живет домовый, порчу насылают через подкинутую под порог иголку, а душу поля хранит последний сжатый сноп. Вы узнаете, как Бабай из тюркского деда стал ночной страшилкой, из каких персонажей Гоголь собрал своего Вия и почему языческим ритуалам удалось встроиться в христианские обряды. Вы начнете слышать в привычной речи отголоски заговоров знахарей и шепот предков. Мир, где слова были оружием, а ритуалы – инструкцией по выживанию, ждет вас.

УДК 81
ББК 81.025

ISBN 978-5-00-250794-8

© Антонов С., 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Необходимое вступление от автора	6
А – Б	8
Алатырь: пуп земли	8
Бабай: кто таится в темноте	10
Брань: от защиты до ругани	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Антонов
Нечистые слова. От заговоров до мемов:
как русский язык хранит историю

Публикуется впервые

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Антонов С., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Необходимое вступление от автора

Привет! Возможно, вы знаете мою книгу «Недурные слова. Книга, которую вы не прочтете вслух, но точно покажете друзьям». Если нет, то обязательно прочитайте: в ней я рассказываю истории о словах – приличных и не очень. Этимология вообще моя страсть, поэтому, признаться, предложение издательства немного сместить фокус с истории языка на этнографию и славянскую мифологию поначалу поставило меня в тупик. Казалось, что нового можно сказать после множества изданий на эту тему? Однако, проведя десятки часов за научными трудами, я сделал массу удивительных открытий.

Система суеверий наших предков не была сборником разрозненных примет. Это был точный и сложный «кодекс выживания» – логичный, практичный и невероятно живучий. Да, одинаковых ритуалов, основанных на какой-то общей догме, у славян не было. Русалка из Воронежской губернии мало походила на свою «сестру» из Полесья, а обряды жатвы могли различаться в соседних селах. Но сквозь это многообразие проступает единая картинка, где все одушевлено, а граница между нашим и потусторонним миром тонка и обитаема. Здесь слово может ранить или исцелить, предмет – стать защитным оберегом или разрушительной силы «подкладом», а погоду и урожай определяют не прихоти природы, а сверхъестественные силы.

Самое поразительное: язычество не умерло с Крещением Руси. Оно вступило с христианством в уникальный симбиоз. Понятно, что официальная религия всячески боролась с пережитками прошлого: когда – словами рядовых священников и церковных иерархов, а когда – и более жесткими способами. Все эти меры имели действие, правда, не стопроцентное. Собственно, то, что информация о духах, славянских богах и «магических» практиках дошла до нас, и есть свидетельство поразительной живучести древних верований.

В отдельных случаях славянская мифология настолько не желала уходить из народа, что прочно встраивалась в христианские традиции и, несмотря на критику со стороны православия, дожила до наших дней. Гадания в ночь перед Рождеством, Масленица накануне Великого поста, поминки усопших застольем на кладбище на Пасху или в родительскую субботу – все это отголоски обрядов, которые существовали еще до Крещения Руси. Мало того что они никуда не делись, так еще и присутствуют в нашей жизни в неразрывной связке с церковными датами. Традиция оказалась сильнее догмы.

Сегодня, конечно, все эти ритуалы и следы древних верований встречаются все реже и реже. Причиной тому стало исчезновение крестьянской общины как таковой после прихода к власти большевиков, Гражданской войны и последующей унификации деревни через создание колхозов. До 1917 года бесконечное число вековых традиций прекрасно себя чувствовало в крестьянской среде. Собственно, благодаря этнографам того времени мы об этом и знаем. Вообще вторая половина XIX – начало XX века – это расцвет интереса к русской культуре, в том числе и к культуре русской деревни. Свет увидело огромное количество трудов историков, филологов, фольклористов, которые подробно зафиксировали, как и чем жила русская деревня того времени.

Это издание не суровый научный труд. Но оно, несомненно, будет интересно любителям открывать для себя что-то новое и расширять кругозор, не вникая в сложные академические конструкции. Вы не только узнаете много нового о мировоззрении и жизни наших предков, но и посмотрите, как отличались старинные традиции в разных местностях. А основывались они на простых и понятных даже сегодня вещах. Это вера в силу природы, языческих богов, «чужаков», насылающих порчу и беды для общины, желание сохранить скот и получить хороший урожай, сохранить молодую семью... Простые, в общем, желания людей, пытающихся объяснить невзгоды и оградить себя от них любыми способами – от суеверий и язычества до молитв.

Мы совершим путешествие по уцелевшим «островам» того древнего мира. Пройдем путь от мифического камня алатыря – пупа земли, до страшного Бабая, пугающего детей; от ритуальной брани, способной отогнать мор, до икоты, что вселяет колдун. Вы узнаете, что такое голбец и почему его считали границей между мирами, как последний сноп становился домом для духа поля и зачем на свадьбу обязательно пекли каравай.

Мы будем смотреть на мир глазами наших предков – практичных, суеверных, изобретательных людей, чья жизнь зависела от урожая, скота и капризов невидимых сил. Их логика, страхи и способы договориться с окружающим миром до сих пор живут в нашей речи, обрядах и даже в мемах.

Это путешествие в мир «нечистых слов» – ключ к пониманию того, как мы, сами того не осознавая, до сих пор говорим на языке древних страхов и надежд. Давайте отправимся в путь.

А – Б

Алатырь: пуп земли

Упоминание о мифическом «алатыре бел-горюч камне» можно встретить и в исторической литературе, и в народных заговорах, и в православной литературе Древней Руси. Что же такое этот загадочный камень? Реально ли он существовал или был просто символом вроде легендарной чаши Грааля?

В русских заговорах, духовных стихах и преданиях алатырь – это камень с чудесными и целебными свойствами, сакральный центр вселенной, «всем камням отец», обладающий невероятной магической силой. Нечто, что соединяет в себе древнейшие мифологические представления о мироустройстве и более поздние христианские образы, становясь уникальным сплавом народного православия.

В архаичных представлениях алатырь – это пуп земли, точка начала и конца мира. Он находится «на море-окияне, на острове Буяне» (сам Буян тоже мифологический центр мира). Там стоит мировое древо или хранится чудесная книга с всемирными знаниями. Именно из-под алатыря растекаются по миру все целебные реки.

Вообще, что такое, собственно, этот пуп, никто не знает – камень ли, просто место или вовсе портал сквозь время, как в современном мультфильме про трех богатырей. Древние греки считали таковым камнем посвященную Аполлону монолитную глыбу Омфал в Дельфах (ομφαλός с древнегреческого так и будет – «пуп»). Инки называли пупом земли свою столицу Куско, это слово так и переводится с языка кечуа – «Центр мира» или «Пуп земли». Христиане же помещали его в Иерусалим. В «хождении» игумена Даниила в Святую землю в описании главы церкви Воскресения Господня говорится: «Здесь же, за стеной, вне алтаря, находится Пуп земли; над ним сделан свод, и сверху мозаикой изображен Христос, и надпись гласит: “Вот пядью Моей Я измерил небо и землю”». Правда, символизировала этот центр мира мраморная чаша с крестом внутри.

Пуп наш алатырь или нет, но в заговорах (от сглаза, болезни, на удачу) именно к нему обращались как к источнику силы: «...Стану я, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь, из избы в двери, из ворот в ворота, на восток, на окиян-море. На том море стоит бел-горюч камень алатырь...»

Есть версия, что само имя камня восходит к древнему наименованию Балтийского моря – «Алатырское море». Поэтому, хотя алатырь – образ общеславянский, его материальное воплощение искали в конкретных местах. На Русском Севере (в Архангельской, Вологодской губерниях) алатырем часто называли конкретные почитаемые валуны-следовики – камни с углублениями, похожими на отпечатки человеческой стопы или копыта. Считалось, что эти следы оставили Бог, или Богородица, или какой местный святой, наделив камень силой. К таким камням приходили, например, за исцелением: в углублениях собиралась дождевая вода, которую считали целебной. Ею умывались, поили больной скот. Молодожены обходили камень кругом, чтобы брак был крепким. А еще считалось, что алатырь приносит удачу в пути: путники оставляли на камне мелкие монетки или кусочки ткани, «задабривая» духов места.

С приходом христианства образ алатыря органично вписался в новый взгляд на мироустройство. Теперь, по поверьям, на нем «стоит святой престол». В заговорах часто встречается, что на алатыре «сидит дева Мария и шьет раны богатырям» или что «с него Христос говорил свои проповеди». То есть камень стал своеобразным мостом между языческим и христианским миром. Вот, например, как описывает алатырь в произведении Алексея Толстого

атаман Ванюха Перстень, который рассказывает царю Ивану Васильевичу предание о «Голубой книге»:

«Алатырь-камень всем камням отец; на белом Алатыре на камени сам Иисус Христос опочив держал, царь небесный беседовал со двенадцати со апостолам, утверждал веру христианскую; утвердил он веру на камени, распуцал он книги по всей земле».

Не надо при этом думать, что такой камень – чисто славянский артефакт. Почти идентичные образы сакрального алатыря-камня, являющегося пупом земли, источником всех вод и опорой мирового древа, существовали в мифологиях древних индийцев, иранцев, греков и германцев. Эпитет «горюч» означает не «горящий», а «сияющий, пламенеющий», напрямую связывая русский алатырь, скажем, с иранским алтарем священного огня. У историка Александра Веселовского есть предположение, что алатырь это и вовсе алтарь Сионского храма.

Однако происхождение слова «алатырь» является предметом споров. Наиболее убедительные версии возводят его к древнеиранскому *alātar* («белый, сияющий») или к греческому *ἄλαβαστρος* («алебастр»), что подчеркивало белизну и чистоту нашего артефакта. Другая версия связывает его с названием янтаря: «алатырь» в некоторых заговорах мог означать именно этот солнечный камень, который часто находили на побережье Балтики и наделяли магическими свойствами. Владимир Даль предполагает, что, возможно, янтарь называли так, переделав греческое слово «электрон».

Ну и напоследок еще несколько забавных фактов. В Чувашии на берегу реки Суры и ее притока реки Алатырь есть одноименный город Алатырь. И кажется, будто он должен быть напрямую связан с нашим «горючим камнем». Ан нет. Этимолог Макс Фасмер обращает внимание, что первоначально река называлась Алатор – от тюркских *la* – «пестрый, пятнистый», и *tuga* – «дом, строение, жилище, город». Уже потом народная этимология сблизила это название с мифическим пупом земли.

Есть и другие схожие по звучанию слова. В архангельских говорах бытовало слово «алатырец», так называли хитрого человека. В пермских деревнях употребляли глагол «алатырить», то есть бездельничать, во владимирских использовали для того же понятие «алатырничать».

Бабай: кто таится в темноте

«Вот не будешь спать, придет Бабай!» – говорила мне мама. Кого из нас не пугали в детстве странным, но страшным Бабаем? И хотя кажется, что это просто плод родительской фантазии, который помогает уложить ребенка спать, на самом деле перед нами очень глубокий мифологический персонаж со своей интересной историей.

Этнографы и лингвисты видят в Бабае не просто абстрактную страшилку, а особый образ, который сложился в регионах, где славянские народы веками жили бок о бок с тюркскими. Его следы прежде всего заметны в Поволжье, на Юге России и в Сибири: именно там культурный обмен с Востоком был наиболее интенсивным.

Истоки слова просты: у нашего героя тюркское происхождение. В татарском, башкирском и других родственных языках «бабай» – это уважительное обращение к пожилому человеку, что-то вроде «дедушка», «старец». Вот и получается, что изначально в Бабае не было ничего пугающего. Но как же он стал страшилкой?

Перекочевав в русскую речь, Бабай из почтительного и нейтрального обращения постепенно превратился в знакомое нам пугало. Этот смысловой сдвиг – яркий пример того, как в народном сознании образ чужака наделяют чертами опасности. Кто этот самый Бабай для ребенка из русской деревушки? Пожилой кочевник, странник, чья речь непонятна, а одежда и обычаи непривычны? Угроза да и только. Со временем этот собирательный образ «иног» и кристаллизовался в жутком, приходящем в ночи Бабае.

В отличие от других мифологических существ, таких как леший или водяной, Бабай не имеет известного описания – конкретной внешности, постоянного места жительства, устоявшегося набора привычек. Возможно, этим-то он и страшен: мама говорит, что Бабай придет и заберет, вот и бойся теперь чего хочешь – темноты, шорохов за стеной, воя ветра в трубе. Знакомо, да?

Из-за того, что Бабай не имеет конкретного описания, в разных регионах его образ обрастал разными конкретными деталями или смешивался с местными представителями нечистой силы. Так, в Поволжье и на Урале, где славяне с тюркскими народами контактировали наиболее тесно, Бабай – это скорее просто «чужой дед», чем нечто потустороннее. В свою очередь, в Сибири и на Русском Севере образ Бабая мог сливаться с другими демонологическими персонажами. Например, его могли называть Шишигой – существом из низшей славянской мифологии (о нем мы еще поговорим далее). В некоторых сибирских говорах появлялся и вариант «Татабай», где тюркское происхождение персонажа выступало еще более явно.

А вот вам немного педагогики. Есть мнение, что главная функция Бабая в народной традиции – социализация детей. Через этого персонажа взрослые обозначали границу между безопасным, «своим» миром (дом, кровать) и «чужим», пугающим (ночь, улица, неизвестность). Простой инструмент, который учит подрастающее поколение быть осторожным без долгих объяснений – через страх. Ну и позволяет, запугав, быстро утихомирить ребенка, конечно. Правда, сегодня уже редко кто применяет для этого образ Бабая, в ходу другие страшилки. А наш герой выродился в безобидного героя мемов с уменьшительно-ласкательным прозвищем бабайка.

Брань: от защиты до ругани

Слово «брань» у нас прочно ассоциируется с руганью и сквернословием – чем-то сугубо негативным. Однако в традиционной крестьянской культуре оно обладало гораздо более сложным значением. Иногда брань была не просто бытовым явлением, а мощным ритуальным инструментом, который мог не только разрушать, но и оберегать.

Чтобы это понять, нам прежде всего поможет этимология. «Брань» восходит к праславянскому *o-bogn-, от которого произошло и существительное «оборона». Существует версия, что у древних славян битва сопровождалась угрозами и руганью, и постепенно слово приобрело значение «ругать, распекать». Иными словами, первоначально «брань» – это буквально «ругать во время драки», и уже позже реальная борьба превратилась в борьбу словесную.

Как по мне, самое любопытное здесь – особая ритуальная брань. В определенных, строго оговоренных традицией ситуациях сквернословие и ругань были своеобразным магическим приемом. Например, «отгонную» брань использовали, чтобы создать невидимую защиту от чего-то опасного, потустороннего. Считалось, что нечистая сила, порча и сглаз боятся открытого грубого слова. Скажем, в Смоленской губернии существовал обряд «опахивания деревни» от мора, когда плугом очерчивали специальную охранную черту вокруг селения. Участвующие в обряде женщины должны были громко браниться, чтобы их ругань отгоняла болезни. На Вологодчине пастуха могли ритуально бранить перед первым выгоном скота в поле, считая, что это убережет стадо от волков и нечисти.

Другой подвид – календарная брань. Существовали особые дни, когда ритуальная ругань была обязательна. Ярчайший пример – обряды Великого четверга перед Пасхой. В Смоленской губернии бытовал обычай, согласно которому хозяин дома до восхода солнца обходил свой двор и избу, громко и сильно бранясь. Такая словесная атака «выжигала» из всех щелей нечистую силу и насекомых на весь год. В вологодских деревнях в этот день матери ругали детей, веря, что это придаст им здоровья и убережет от сглаза. Также в некоторых регионах существовал обычай браниться на свадьбе, «чтобы молодых не сглазили», или еще раньше – во время сватовства.

Матерная ругань широко представлена в разного рода обрядах явно языческого происхождения – свадебных, сельскохозяйственных и так далее, то есть в тех, что так или иначе связаны с плодородием. Связь неприличных слов с размножением, я думаю, понятна.

Иногда брань в каких-либо ритуальных действиях эквивалентна молитве. Чтобы спастись от домового, лешего, черта, предписывалось либо прочесть молитву, либо матерно выругаться. Работало это подобно тому, как для противодействия колдовству обращаются либо к священнику, либо к знахарю. Аналогичным образом с помощью матерщины могли лечить лихорадку, которая понималась как демоническое существо. Да что там далеко ходить – уже упомянутый обряд «опахивания», который должен был изгонять из деревни заразную болезнь, в одних случаях сопровождается шумом, криком и бранью, в других – молитвой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.